Юлия Семёнова,
Александра Юнко

Спиноза и его друзья в Древней Руси

12+

Юлия Георгиевна Семенова
Александра Петровна Юнко

Спиноза и его друзья в Древней Руси

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42210127
SelfPub; 2019

Аннотация

Никто не знает, мы плывем по реке времени или время течет по нашим судьбам, как кровь по венам. Если второе, то прошлое, настоящее и будущее мирно сосуществуют в объективной реальности. А это означает, что путешествие во времени может совершить каждый, особенно, если у него есть чувство юмора, любопытство и желание жить на полную катушку. Как у наших героев, с которыми многие уже знакомы по книге "Большое путешествие в Древний Египет". Но сейчас среди них и бронзовый памятник Пушкину работы скульптора Опекушина. Хотите с ним познакомиться? Вперед!

Содержание

Часть I. Выселковская аномалия 4
Глава 1.Сказки Пушкина 4
Глава 2. Ошибка сэра Ньютона 9
Глава 3. Криминальная хроника 16
Глава 4. Какие бывают молекулы 23
Глава 5. Энштейн, Попов и Софья Ковалевская 30
Глава 6. Затерянная в Лукоморье 35
Глава 7. Бронзовый гость 41
Глава 8. Хлеба запоздалые 49
Глава 9. Василий Тёркин 56
Глава 10. Девочка и слон 63
Часть 2. Сага о князьях 68
Глава 1. Дети подземелья 68
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Часть I. Выселковская аномалия

Глава 1.Сказки Пушкина

Александр Сергеевич печально глядел на Геракла.

– Это мой ник, – объяснила ему Катя Волосюк и захлопнула ноутбук. Она решила быть честной и самостоятельно написать эссе. Тем более, Пиковая дама сказала, что всё равно увидит, кто качал из интернета.

Девочка задумчиво погрызла кончик ручки и начала:

– Мой любимый писатель – Александр Сергеевич Пушкин. Он родился в…

Геракл перевернула открытку с фотографией и прочла на обороте: «Памятник Пушкину А. С. (1799–1837 гг.)»

– …родился в 1799 году.

На этом вдохновение иссякло.

– Великий поэт, – неожиданно подсказал внутренний голос.

– Ага! Пушкин А. С. был великий поэт. У него была няня, – внезапно Катю понесло. – Няню звали Арина Родионовна. Простая русская женщина, крепостная, которую жестоко притесняли бояре, дворяне – родители и другие родственники великого поэта. Мало того, что Арина Родионовна работала целыми днями и платила непосильные налоги,

барщину и оброк, так они ещё насильно заставляли её нянчить ихних детей, например, Пушкина А. С., когда он был маленький. Шурик с раннего детства любил русские народные сказки и всё время просил их у няни, потому что компа у него не было. Ночь напролёт бедная женщина вынуждена была сидеть и рассказывать, рассказывать, пока Пушкин А. С. не заснёт. А он, как проснётся, так вспомнит и давай записывать! В рифму и так. Вот, например, «Я помню чудное мгновенье», «Гарри Поттер», «Мадагаскар» и про Балду. Я очень люблю сказки Пушкина.

Катя перечитала и осталась довольна. Во-первых, получилось много, во-вторых, художественно и, кажется, без ошибок.

Дальше было сложнее. Пиковая дама строго-настрого велела разобрать какое-нибудь произведение любимого писателя. Поэтому Геракл решила подкрепиться. Она порылась в холодильнике и нашла кусочек сыру. У Кати было твердое убеждение, что сыр – хорошо для головы. И у Пушкина А. С. что-то там про сыр. В сказке про ворону. Но её девочка помнила плохо.

Дожевав бутерброд, она сделала несколько упражнений, чтобы сосредоточиться, пощупала правый бицепс и снова взялась за непосильный труд.

– Луко… – начал внутренний голос.

– … морье, – закончила Катя и застрочила: – Моя любимая сказка великого русского писателя Пушкина А. С. назы-

вается «У Лукоморья». В этом произведении он написал про дрессированного кота, который ходит то вправо, то влево. Когда он идет в одну сторону, то поёт русские народные песни, а когда сворачивает в противоположном направлении, то, наоборот, говорит всякие сказки.

Геракл отложила ручку и скептически посмотрела на фотографию А. С. Пушкина. Памятник низко склонил голову. Ему было стыдно за такое бессовестное враньё.

– На самом деле так не бывает! – торжествуя, крупными буквами вывела Катя. – Кошки не говорят, а тем более не поют! И их не сажают на цепь, как собак! – Она подумала и добавила: – Не от хорошей жизни сочинял такое простой народ, а от горя. Чтобы забыться от тех обид, которые нанесли ему богатые олигархи. Поэтому и накручивал про всякие там чудеса. Пушкин А. С. так и написал в своем бессмертном произведении: «Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит». Хотя поэт не мог не знать, что русалки не висят на деревьях, а водятся в водоёмах.

Катя собиралась анализировать дальше, но забыла, чем там кончается. Она отложила тетрадку и нашла в книжке своё любимое произведение Пушкина А. С. Многое ещё оставалось неохваченным. Дойдя до места, где в темнице грустит царевна, а прислуживает ей бурый волк, Геракл мечтательно подняла глаза. На картину. Мама купила её у знакомого художника, потому что она очень любит другого художника, который эту картину нарисовал. Но тот художник

умер. А этот, ну, который знакомый и живой, её просто срисовал, потому что его жена худела у мамы в салоне красоты, потому что хотела переделать себе нос, потому что он был очень длинный. Так у Кати на стене появилась настоящая картина «В.М.Васнецов. Иван-царевич и Серый волк. Копия В.Смирнова».

Царевич, конечно, был так себе. Царевна тоже. Худая, бледная. А волк Кате нравился. Чувствовалось, что у него хорошая физическая подготовка. Иначе он не смог бы пробежать длинную дистанцию с двумя пассажирами на спине.

Геракл уловила некоторую связь между картиной и сказкой. Наверное, решила она, сначала волк просто так служил царевне, потом за ней пришёл царевич, а так как поблизости не оказалось коня, волк согласился их подвезти.

– И потом, волк – дикое животное, – вдохновилась девочка с новой силой. – Может, Пушкин А. С. имел в виду собаку? Но собака не может увезти двух человек сразу, кроме водолаза.

Катя снова перечитала написанное. Эссе получалось очень хорошее. Но тут девочке показалось, что она мало похвалила своего любимого писателя.

– А-а! – сообразил внутренний голос. – Там королевич! Мое любимое место в этом произведении – про королевича мимоходом. Он не побоялся грозного царя, а победил его одной левой. Таким образом, он защитил правду и справедливость между людьми.

Оставалось только сделать резюме.

– К сожалению, – закручинилась Катя с красной строки, – Пушкин А. С. умер. – Она грустно погладила глянцевую поверхность открытки. Вздохнула, посмотрела на оборот и добавила: – В 1837 году. Но его сказки не пропали и дошли до нас. Они по-прежнему живут в сердцах людей всего человечества. И мы их очень любим, читаем и перечитываем.

– Ставь точку, – подсказал внутренний голос.

Геракл поставила жирную точку, и в ту же секунду зазвонил телефон.

Глава 2. Ошибка сэра Ньютона

– Катя! – раздался в трубке голос Спинозы. – Бросай всё и приходи! Мне кажется, что у меня…

Потом что-то клацнуло, зашуршало и заверещало. Голос Спинозы оборвался.

Геракл торопливо набрала Витькин номер.

– Пи-пи-пи! – тревожно пропипикала трубка.

– Один дома! – забеспокоился внутренний голос. – Родители на симпозиуме. Кто-то об этом догадался! – и Катя выскочила из дома, забыв запереть за собой дверь.

У Спинозиного подъезда толпились соседи. Они громко что-то обсуждали и размахивали руками. Сердце у Кати упало.

– Убит? Ранен? – взревела она, вклиниваясь в толпу.

Соседи испуганно отпрянули.

– Убит? Ранен? Ужас! На улицу выйти нельзя! Выстрелы! Лужа крови! В собственной квартире! – выкрикивали они со всех сторон.

Забыв о лифте, Катя птицей взлетела на двенадцатый этаж. Позади со значительным отставанием пыхтели все остальные.

В квартире №187 стояла мёртвая тишина. Геракл взяла разбег и впечаталась в дверь. Что-то хрустнуло.

– А-а-а-а! – раздался из глубины квартиры истошный

вопль.

– Не убили! – подсказал внутренний голос. – Сейчас убивают!

– Держись, Витечка, я здесь! – девочка пронеслась по тёмной прихожей, сметая с вешалки пальто и куртки. – Й-а-а!

В ноги ей кто-то бросился. Она упала на ЭТО. ЭТО тяжело дышало и не сопротивлялось. Ловким движением Катя подтянула к себе валявшийся поблизости шарф и связала преступника.

– Один готов, – удовлетворённо сказала она и пошла в Спинозину комнату.

Там было пусто.

– Похитили! – понял внутренний голос. – Выкуп потребуют. Ну ничего. Далеко не убегут. ЭТО выведет на след.

Повинуясь неодолимому зову, Геракл вернулась в прихожую, уже набитую соседями. Они обступили ЭТО и качали головами:

– Что с человеком сделали! В собственной квартире! Собственным шарфом! Тебе не больно, Витечка? Потерпи, мы сейчас полицию вызовем!

– Катя, – прошептал Спиноза, – развяжи меня.

– Это ты? – удивилась девочка. – А где преступники?

– На лифте спустились, – охотно объяснили соседи. – Со всем добром. Средь бела дня!

– Какие преступники, Катя? – спросил Спиноза, массируя онемевшие запястья. – Которые дверь вышибали?

Внутренний голос скромно промолчал. Геракл покраснела.

– Идите-идите! – стала выпихивать она непрошенных свидетелей. – Сами разберёмся.

Под её мощным натиском соседи вынуждены были переместиться на лестничную площадку.

– Дверь я починю, – глядя в пол, пообещала Катя. – Прости, но я подумала, что с тобой что-то случилось.

– И совершенно правильно подумала! – оживился мальчик. – Ты не представляешь, какое открытие я только что совершил! Мирового значения!

– А, ну тогда понятно, – Геракл совершенно успокоилась. – А то я боялась, что-то серьёзное.

– Я тоже полагал, что это несёрьезно, – признался Витя. – Видишь ли, если в эпоху сэра Исаака Ньютона пространство понималось как «пустая протяжённость», сегодня наши представления о вакууме изменились. Даже при отсутствии вещества интервалы между объектами заполнены энергетическими полями. И я сделал вывод, что, если попасть в нужное поле, по нему можно передвигаться…

Катя внимательно посмотрела в возбуждённые Спинозины очки.

– Пойдём погуляем, – предложила она. – Тебе надо чаще бывать на свежем воздухе.

– … засекреченный в годы второй мировой войны прибор типа «магнетрон» представляет собой генератор сверхкорот-

ких волн, – гнул своё Витя. – Они создают вокруг предмета сильнейшее поле. Моя идея состоит в том, чтобы, используя этот прибор, распасться на отдельные молекулы в одной точке и претерпеть обратные изменения в другой точке пространства и времени.

– А зачем тебе надо терпеть такое? – участливо спросила девочка.

– Как это – зачем? Я же объяснил: чтобы опровергнуть Ньютона.

– На которого яблоко упало? – внезапно вспомнила физику Катя. – Тут ты правильно придумал. Его надо. Он мне давно не нравился. Законы какие-то непонятные издал.

– Вот поэтому я тебе и позвонил! – обрадовался Спиноза. – Мне требуется ассистент. Хочешь помочь?

– Конечно! А что для этого нужно?

– Создать магнитное поле на определенных волнах, – туманно объяснил Витя. – И построить магнетрон. Ну, чтобы тебе было понятнее, это маленький такой коллайдер. Прошу в лабораторию. Нет, подожди. Туда без белого халата нельзя.

– А я у мамы возьму! – пообещала Катя. – Ещё что-нибудь?

– Поллитровые банки и пробки от бутылок, – подумав, сказал Спиноза.

– Сколько?

– Сколько достанешь.

– Поняла. – Геракл шагнула к двери. – Банки я дома с

балкона возьму, а за пробками придется побегать.

– У пивной много, – подсказал внутренний голос.

Через полчаса в стены лаборатории уже бились сверхкороткие волны. Катя их не чувствовала, но Спиноза объяснил, что так и должно быть. Только специальные приборы могут зафиксировать излучения магнетрона. Сделать его, кстати, было парой пустяков: запустить трёхфазный ток и подключить к нему поллитровую банку, наполненную пробками.

– Всё гениальное просто, – скромно заметил Спиноза. – Теперь перед нами другая научная проблема: где должно лежать тело до того, как распадётся на молекулы?

Катя села на диван и пошарила глазами по комнате.

– Может…

– Потрясающе! – прошептал Спиноза. – Это и есть телоразложитель!

– Где? – не поняла девочка.

– Под твоим телом. На чём оно сидит?

– На диване, – неуверенно пробормотала Геракл.

– Нет, Катя! На нём самом, на телоразложителе! Конструкция диван-кровати позволит не только разложиться на молекулы, но и сконцентрировать их в первоначальном организме. Проведем эксперимент, – и Спиноза как-то странно поглядел на ассистента.

Девочка торопливо поднялась:

– Вообще-то мне на тренировку скоро… Боюсь, не успею разложиться и обратно собраться. Может, на ком-нибудь

другом попробуешь? Ну там кролики, собаки…

Спиноза взялся рукой за подбородок и надолго задумался.

– Неорганика! – наконец изрёк он. – Начинать надо с неё. Это грамотное решение.

Научный руководитель порылся в шкафу, вытащил оттуда резиновый мячик, написал на нем фломастером «ОБЪЕКТ №1» и скомандовал:

– Ассистент, займите исходное положение у телоразложителя! На счет «три» транспортируйте объект №1 посредством перемещения станины в верхнее положение. Короче, Катя, поднимешь вот эту штуковину.

Он нацелился вилкой в дырки электрической розетки.

– Один, два… Готова?

Ассистент кивнула.

– Три! – Спиноза воткнул провод. – Пуск!

Геракл резко подняла сиденье, мячик перекатился на спинку и исчез. Витя выдернул вилку из розетки и устало сказал:

– Ну, с процессом разложения мы разобрались. Спасибо тебе.

– На здоровье, – девочка с чувством сжала пальцы научного руководителя.

Морщась от боли, Спиноза потряс в воздухе кистью и сообщил:

– Но это, Катя, только половина эксперимента. Вторая половина заключается в обратном сборе молекул.

– Ой, это, наверное, долго, – расстроилась Геракл. – Я не успею. Тренер ждёт. Мы к соревнованиям готовимся. Слушай, а если их чуть позже собрать?

– Наука, Катя, требует полной отдачи, – строго заметил руководитель, бросив беглый взгляд в зеркало. – Ну ладно, отпускаю тебя. Но не более чем на два часа.

– Я обязательно вернусь, – заверила ассистент. – Разве ж я не понимаю: один человек, даже крупный учёный, как бы он ни старался, не может собрать молекулы все до одной.

Снимая в прихожей белый халат, Катя, наконец, почувствовала волнующее биение сверхкороткой волны.

Глава 3. Криминальная хроника

Полковник в отставке Василий Иванович вышел из лифта и увидел объявление:

«Фирма аказывает все вазможные услуги. Оплата по соглошению. Детям, пенсианерам и групам – скидка».

– Хм, – старик снял фуражку и промокнул лоб носовым платком. – Если одному пенсионеру скидка, то группе пенсионеров это обойдется… примерно…

– Практически бесплатно, – пробасил кто-то сверху.

Василий Иванович поднял голову. По лестнице с пачкой таких же объявлений топал известный разгильдяй и двоечник Бонифаций Петуля.

– Что это ты тут по чужим подъездам ищешь? – подозрительно прищурился пенсионер.

– Информацию расклеиваю, – добродушно объяснил Петуля. – Фирму вот хочу открыть. А реклама – сами знаете…

– Дожили! – сплюнул Василий Иванович. – Нет, чтобы учиться, всякие сопляки фирмы открывают. Лёгких денег захотелось?

– Ничего себе – лёгких! – возмутился парень. – Одни объявления два дня распечатывал. И потом, дедуля, мы ж не для себя стараемся – для народа!

– Ага, для народа, – прошипел пенсионер. – Денежки небось соберёте с дураков – и тю-тю! Вон сегодня квартиру

ограбили.

– Я, что ли, грабил? – хмыкнул двоечник. – Я честный бизнесмен!

– Все вы честные… А лицензия у тебя есть? – ехидно поинтересовался старик.

– А как же! – бойко ответил Бонифаций, хотя не совсем представлял, что это такое. – Даже две или три… И президент будет. Натурально! Спиноза.

– Это что еще за Спиноза? – пробормотал пенсионер, гремя ключами.

– Обычный Спиноза, Витька Корнецов, – обиделся Петуля. – Между прочим, очень умный.

– И этого в криминал втягиваете? Вот скажу родителям. Развелись тут, понимаешь, мафиозники. С таких-то лет! Иди, иди отсюда! – и Василий Иванович быстро захлопнул за собой дверь.

– Сам мафиозник! – Петуля ударил кулаком по металлической обшивке и взвыл. – Много они понимают!

Он наклеил ещё одно объявление и спустился этажом ниже. Нужно было рассказать Спинозе про фирму и про то, что он – президент. Едва смолкли шаги хулигана, Василий Иванович отпрянул от дверного глазка, бросился к телефону и набрал номер участка:

– Алё? Алё? Это полиция? Хочу просигнализировать…

…Дверь Витькиной квартиры почему-то была не заперта. Петуля на цыпочках, чтобы не мешать умственной работе,

вошел в Спинозину комнату и почтительно остановился на пороге.

– Вить, – позвал он. – Я вот что придумал…

Спиноза в белом халате и оранжевом мотоциклетном шлеме сидел на диване. Он будто не слышал.

– Я, Вить, придумал фирму. А ты будешь президент…

Спиноза как сидел, так и продолжал сидеть. Особенно напугали Петулю его глаза, закатившиеся под веки. Тут только Бонифаций заметил два толстых кабеля, к которым был подключен диван.

– Током убился! – ёкнуло сердце.

Он подскочил к розетке и выдернул шнур. Мгновенно вспыхнула настольная лампа и бешено запрыгали пробки в банках. Бонифаций склонился над безжизненным телом президента. Слава богу, Витька еще не успел окоченеть, и руки у него оставались тёплыми.

Петуля изо всех сил надавил на Спинозину грудь, судорожно втянул в себя воздух и приник к бледным интеллигентным губам трупа.

Спиноза слабо дёрнулся. И глаза его вернулись под очки.

– Тьфу, – он утёр платочком рот и удивлённо посмотрел на Бонифация. – Ты чего целуешься?

– Дык, я… это… искусственное дыхание, – растерялся тот. – Ты умер.

Спиноза побледнел.

– Умер? – он снял шлем и пощупал голову. – Чувстви-

тельность не нарушена, мыслительные процессы не прекратились… – Витя облегченно вздохнул. – Наверное, ты ошибся. Я жив. Просто медитировал и ненадолго вышел в астрал.

– Разве тебя не убило током? – удивился Петуля.

Спиноза поднялся с дивана, заложил руки за спину и начал прохаживаться по комнате, аккуратно переступая через провода.

– Видишь ли, – научно начал он, поправляя на носу очки. – Ток такого низкого напряжения не может поразить живое существо, каковым является человек, а именно я. Тем более что соблюдены все правила техники безопасности. Как то: резиновые изоляторы, – президент задрал штанину и показал Петуле клетчатые женские тапочки. – Шлем, – продолжал он, гулко постукивая себя по оранжевой сфере с надписью «Харлей». – Наконец, защитный жилет, изготовленный мной собственноручно из медицинской клеёнки. А также…

Бонифаций почувствовал сильную головную боль. Так с ним происходило всегда, когда Витька вдавался в научные объяснения.

– Слышь, забыл совсем, – бестактно перебил он. – Я к тебе по делу. Фирму решил открыть.

– Какую фирму? – оборвал себя на полуслове Спиноза.

– Коммерческую, какую еще! Я тут подумал, чего ты мозги бесплатно напрягаешь? Всякий ум должен оплачиваться. Вот, например, над чем ты сейчас даром работаешь?

– Над посылами, – пробормотал сбитый с толку научный

руководитель. – Понимаешь ли, изобретённый мною магнетрон…

– Ага! – торопливо перебил Петуля. – Будем посылать. Группами и поодиночке. Дети и пенсионеры – со скидкой. Я уже и объявления развесил.

– Кого посылать? Куда? Зачем?

– В турпоездки, – терпеливо втолковывал Петуля. – Болгария, Египет, Таиланд, Антарктида… Людям очень выгодно, кто понимает. Ни тебе билетов, ни таможни, ни нервов. Раз – и ты уже там. Два – и здесь. С загаром.

– Любопытно, – Спиноза поправил очки. – Но вынесет ли такие нагрузки телоразложитель? – указал он на диван.

Бизнесмен плюхнулся на потёртую обивку и попрыгал. Пружины жалобно заскрипели.

– Если с чемоданом, то дороже, – произвел экономический расчёт Петуля. – Брать будем по весу, как в самолёт.

Он вытащил из кармана новенький айфон и начал что-то записывать.

– Прейскурант готов! Наука должна служить людям!

– Но имеем ли мы право рисковать человеческими жизнями? – внезапно заволновался Спиноза. – Эксперимент в стадии разработки. Опыты на ассистентах ещё не проводились!

– А ты на мне испытай! – самоотверженно предложил бизнесмен. – Сразу с багажом.

Он огляделся по сторонам и заметил в углу пыльный чемодан.

– Как раз то, что надо! – Петуля с трудом оторвал чемодан от пола. – Ого! Ты чё, кирпичи в нем держишь?

– Нет, Бонифаций. Там книги, – рукавом халата Спиноза почтительно смахнул пыль с крышки и чихнул. – Университетские учебники папы и мамы.

– Да, тяжело быть учёным, – философски заметил Петуля, взгромождая дополнительный груз к себе на колени. – Заводи свою тарахтелку.

Но разложиться на молекулы ему не удалось. Вернулась с тренировки Геракл и потребовала, чтобы засылали именно её.

– Я первее была, – кипятилась она, спихивая конкурента с дивана. – А ты пришёл – и сразу разлагаться!

Чемодан со стуком упал на пол. Бонифаций отбрыкивался ногой.

– Успокойтесь, успокойтесь, – смущённо разнимал друзей научный руководитель. – Опытных посылов будет несколько. Все мы там будем!

Но ни ассистент, ни бизнесмен его не слышали. Сопя и пыхтя, они боролись за право послужить науке. Уворачиваясь от мощных кулаков Кати, Спиноза своим телом заслонял от неё Петулю. Когда Витя с ногами забрался на диван, в телоразложителе что-то хрустнуло, и он мелко затрясся.

– Стой, перевернёмся! – завопил Бонифаций.

* * *

…Из сто восемьдесят седьмой квартиры слышался шум.

– Опять грабят и убивают, – Василий Иванович ускорил шаг. – Быстрее, гражданин лейтенант!

Расстегивая кобуру, участковый мужественно ворвался в прихожую. За ним осторожно вошёл отставник.

– Ну, что я говорил? – он торжествующе показал на пустое место у стенки. – Средь бела дня! Целый диван!

Действительно, телоразложитель исчез. На пыльном прямоугольнике пола одиноко белел резиновый мячик с надписью «ОБЪЕКТ №1».

С настенного календаря сам собой оторвался листок. Под тремя богатырями значилась дата: среда, 22 апреля. Листок покружился в воздухе и лёг рядом с мячиком.

Глава 4. Какие бывают молекулы

– Бэ-э-э, – проблеял под Гераклом Петуля. Он был мягким и почему-то кудрявым.

– Бонифаций! – Катя осторожно ощупала его голову с крутыми рогами и вскрикнула. – Витя! Зажги свет! Кажется, Петуля разложился!

И действительно, запах в Спинозиной комнате стал каким-то странным, незнакомым и не слишком приятным.

– Кто разложился? Сама ты разложилась! – откликнулся бизнесмен откуда-то из темноты. – Ну и вонища!

– Разве это не ты? – изумилась девочка, выпуская рог. – Значит, это Спиноза.

– Ёлки зелёные! – снова послышался басок бизнесмена. – Шерстью оброс! Катька, чё делать будем? Как мы его теперь обратно сложим?

Вокруг себя Геракл чувствовала Спинозины молекулы. Они жались к её ногам и жалобно блеяли.

– Петуля, молекулы какие из себя?

– Кто его знает… Круглые, а может, продолговатые.

– Как всё-таки интересно устроен мир, – заметила Катя. – Я думала, молекулы маленькие и гладкие, а у Спинозы они большие и лохматые.

– И как мы их всех в одного Витьку засунем? – задумался двоечник.

Распахнулась дверь, и стало светло. Крупные молекулы учёного с блеянием выбежали наружу.

– Ой, мамочки! – закричала Геракл. – Бараны!

– А Спиноза где? – ахнул Петуля.

Это была не квартира Корнецовых. Не Витькина лаборатория. Их окружали бревенчатые стены, сверху нависал низкий потолок, на полу валялась грязная солома. Сквозь широкий проём в помещение врывался солнечный свет.

– Бэ-э! – выбежала в дверь последняя овца.

В двух шагах от Петули кверху тормашками стоял Спинозин диван. Под ним кто-то шуршал соломой.

– Раз-два, взяли! – ребята перевернули телоразложитель и обнаружили под ним своего научного руководителя. Он лежал на животе, прикрывая руками очки.

Геракл кинулась его поднимать.

– Витя, тебе больно?

– Представь себе, нет! – Спиноза сел, вытянул ноги и радостно засмеялся. – Техника безопасности – великое дело. Практически ни одной царапины! – он постучал себя по оранжевому шлему и с интересом огляделся по сторонам. – Где это мы?

Петуля пожал плечами:

– В сарае.

– Тут до нас были бараны, – добавила Катя.

Спиноза встал и прошелся по овчарне.

– Любопытно, – он поднял с пола соломинку и внимательно

но её осмотрел. – По всей видимости, они это едят. Следовательно, мы попали к домашним животным.

– Эй, кто там? – раздался снаружи сердитый мужской голос. – А ну, выходь!

Бизнесмен поскрёб затылок:

– Кажись, влипли. Счас ка-а-ак отметелят!

– Это ещё почему? – возразила Катя. – Мы же не нарочно здесь разложились.

– Выходь, кому говорено! – повторил голос.

Спиноза как научный руководитель и президент вышел первым и, щурясь на солнце, извинился:

– Простите, пожалуйста, если мы, сами того не желая, нарушили границы вашего частного владения.

– Ага, – подтвердил Петуля, вместе с Гераклом появляясь в дверном проёме.

Посреди двора с вилами в руках стоял широкоплечий веснушчатый парень класса из десятого-одиннадцатого. Над верхней губой у него пробивался рыжеватый пушок. Голубые глаза смотрели насторожённо. Парень был босиком, в светлых штанах и холщовой рубахе, как на портретах писателя Льва Толстого.

– Вы что тут делаете? – редкие, почти незаметные брови сдвинулись над переносицей. – Пошто шатаетесь по чужим дворам?

– Это же эксперимент, – объяснила Катя. – Мы разложились на молекулы и сложились снова, только здесь, а не у

него дома, – она показала на Витю.

– Вижу, нездешние, – парень опустил вилы. – А каковские?

Спиноза огляделся вокруг. Кроме знакомой уже овчарни он увидел крепкую бревенчатую избу, другие хозяйственные постройки неизвестного науке назначения. Рядом важно ходили куры и утки. Не очень чистые свиньи жадно хлебали из деревянного корыта.

– Видите ли… – Витя по солнцу попытался определить азимут. – Мы пока не сориентировались, здешние мы или нет. Всё зависит от того…

– Конечно, нет, – перебила его Катя. – Здесь деревня, как у бабушки. А мы – городские.

– …зависит от того, какая здесь деревня, – продолжал Спиноза, – в смысле, в какой точке пространства и времени мы сконцентрировались.

– А, – парень воткнул вилы в землю. – То-то, гляжу, одеты не по-нашему. А мне уж почудилось, лихие люди. У нас здесь всяко бывает.

– Не, – Петуле парень понравился. – Мы не криминал. У нас чисто коммерческие цели.

– Не беспокойтесь, – вежливо сказал Спиноза. – Мы постараемся не доставлять вам никаких хлопот. Вот только доведём до конца научный опыт…

– Опыт? – голубые глаза хозяина заблестели. – Так ты что, учёный человек?

– Не совсем… – скромно потупился Витя.

– Ещё какой учёный! – представил своего президента Петуля. – Ботаник!

– Вы знаете, – горячо поддержала Геракл, – какой Спиноза умный! Он хочет доказать этому сэру Ньютону, что молекулы можно собрать и разобрать. Он… – от избытка чувств Катя схватила парня за руку, поволокла его за собой в овчарню и торжественно плюхнулась на диван. – Вы думаете, это что?

– Лавка, – растерялся парень. – Не наша. Чужая.

– Нет! – патетически воскликнула девочка. – Не лавка! И не чужая! Она принадлежит науке! То есть, он. Это – трон!

– Царский? – оторопел хозяин, пятясь к выходу.

– Ха-ха! Ни у одного царя, которых теперь, кстати, нет, такого нет! Это трон не простой, а магнитный. Об него бьются волны! Только они никому не видны! – Катя перевела дух и показала руками волны.

– Волны? Магнит? – ошарашенно повторял белобрысый.

– Ну, вы, наверное, в вашей деревне ничего не знаете по физике, – снисходительно заметила Геракл. – Тем более что Спинозины волны не такие, – девочка вскочила и пробежалась по овчарне, изображая прибой во время шторма, – а во-от такусенькие, – указательным пальцем она провела волнистую линию под самыми рыжеватыми усами хозяина. – Очень-очень короткие. Которые еще короче коротких.

– Сверхкороткие, что ль? – догадался парень.

– Вот именно. Они…

Но десятиклассник её уже не слышал. Он выскочил во двор, где оставались Петуля с научным руководителем. Оттуда раздавалось истошное кудахтанье.

– Держи его, держи! – надрывался Витя, приседая и растопыривая руки.

– Вот! – красный и взъерошенный Петуля протянул президенту красного и взъерошенного петуха. Кочет вытянул шею и злобно посмотрел в Спинозины очки. Витя отпрянул. Но тут же взял себя в руки и палочкой прочертил на земле линию.

– Будешь моим ассистентом, – назначил он Бонифация. – Ассистент, засуньте животному голову под крыло!

– Свернуть шею? – поморщился Петуля. – Не, пусть живет.

– Ты не понял, Бонифаций. Подопытный будет жить. Только в состоянии гипноза. И во время эксперимента ни разу не пересечёт эту линию.

– Да ну? – не поверил бизнесмен. – Чего вдруг?

– Это известнейший и очень древний опыт. Нам представляется уникальная возможность увидеть его воочию. Ассистент, приготовьте пернатую птицу!

Петух ни за что не хотел засовываться под крыло. Он вырывался и неурочно кукарекал. В результате отчаянной борьбы кочет клюнул Петулю в лоб и скрылся в курятнике.

В этот момент из овчарни выскочил хозяин частного вла-

дения. Он бросился прямо к научному руководителю.

– Мы никого не трогали! – торопливо соврал Петуля.

Но парень уже тряс Спинозу за плечи.

– Что ж ты сразу не сказал – сверхкороткие волны! – бурно радовался он. – Я их тоже излучаю. В риге!

– Так мы попали в знаменитый балтийский центр научных излучений?! – Витя был вне себя от счастья. – Невероятно!

– Михайла, – парень протянул Спинозе руку. – А ты кто же будешь?

– Виктор, – кивнул оранжевым шлемом научный руководитель. – Спиноза… То есть Корнецов.

Видя, что опасность миновала, Бонифаций подошел ближе.

– Ассистент, – представился он. – В смысле помощник. Петуля. А в сарае которая – та Геракл. Тоже из наших.

– Значит, получилось! – голубые глаза расширились. – Мой опыт удался!

Глава 5. Энштейн, Попов и Софья Ковалевская

Деревня, в которую попали ребята, называлась Выселки. Геракл сразу поняла, что это жуткая дыра. На дорогах грязища, свиньи гуляют прямо по улицам, ни одного нормального каменного дома, на мотоциклах никто не гоняет и даже спутниковых антенн не видно над замшелыми крышами.

– А коммерческий центр у вас есть? – деловито поинтересовался Петуля.

– Лавка есть мелочная, – не отрываясь от осмотра дивана, ответил Михайла.

– А до Риги далеко? – Кате не терпелось попасть в город. – И на чем вы туда ездите? На автобусе?

– Пошто туда ездить? – удивился парень. – Вон она, за сараюшкою.

– Рига, Катя, – Спиноза отряхнул обивку телоразложителя от соломы, – это столица Латвии. Там много памятников старины. Например, Домский собор… – он оторопело посмотрел на Михайла. – Как это – за сараюшкою?

– Сейчас покажу, – хозяин неторопливо отряхнул штаны и направился во двор.

За сараем стоял еще один сарай.

– Обычно мы тут сушим снопы, – объяснил Михайла, гостеприимно распахивая дверь. – А сейчас я здесь излучаю.

– Катя, это не та Рига, которая столица Латвии, – наконец сообразил Спиноза. – Это такая специальная постройка. Так вы, Михаил, тоже на дому исследуете?

– Не, в доме нельзя. У нас корова давеча отелилась, там телёночек. А здесь мне никто не мешает. И места много. Вот, гляди.

Посреди риги стояла деревянная скамья. Две толстые верёвки, обмотанные вокруг ножек, через дверь выходили во двор и тянулись куда-то вверх.

– К ветряку привязал, – объяснил парень. – Когда ветер дует – излучаются волны-то, а не дует – не излучаются.

В этот момент в стоящем под лавкой чугунном горшке запрыгали деревянные чурочки.

– Вот, – обрадовался Михайла. – Опять подул! А уж часа два было тихо. До этого, правда, грех жаловаться. Дуло, дуло… Уж сколько я опытов успел сотворить! А такого урагана, как ныне, ещё не было.

– Любопытная система, – оценил научный руководитель. – Но, согласитесь, Михаил, несколько громоздкая. Впрочем, возможно, вы принципиально не пользуетесь электричеством?

– Пробовал с молнией работать, – кивнул хозяин, – да не могу поймать.

– А на учебном амперметре типа «Молния» сверхкороткие волны и не ловятся, – возразил Спиноза. – Я тоже проверял опытным путем. Нужна специальная приставка.

Геракл с Петулей вышли из риги, чтобы не мешать учёным решать научные проблемы. Свиньи по-прежнему чавкали. Петух выглянул из курятника, заметил Бонифация и торопливо скрылся. Катя приоткрыла калитку на улицу. Там девчонка в длинном полотняном платье и низко повязанном платке уныло гнала хворостиной старого козла. Увидев пришлых, она остановилась и открыла рот. Геракл зевнула. Девчонка припустила по улице, сверкая голыми пятками.

– Скукотища, – вздохнул бизнесмен. – Как только люди живут?

– У моей бабушки деревня гораздо культурнее, – согласилась Катя. – Диско-бар и нон-стоп без перерыва. А летом откроется кемпинг.

– Это ж какой твоя бабушка может бизнес закрутить, – по-доброму позавидовал Петуля. – Например, в баре договориться – и пироги им печь.

– Ой, какие у бабушки пирожки… – Геракл вдруг замолчала.

Девчонка вернулась, но без козла. Зато она привела с собой других девочек разного возраста, одетых точно так же. И маленького мальчика в рубашке до пупа. И перепуганную тётку в платке, длинном платье и лаптях, с младенцем на руках. Жители Выселок выстроились перед забором и все, как один, вытаращились на Катю, будто она телевизор.

– Чё это они? – забеспокоился Петуля. – Зоопарк нашли.

Он захлопнул калитку, и они быстро вернулись в ригу.

Там стало уже совсем темно, но Михайло и Витя ничего не замечали.

– Миш, где тут свет включается? – девочка пошарила рукой по стенке.

– Погодь, – парень чиркнул кремнем и зажёг тоненькую палочку. – Мамка ругается, когда по ночам лучину жгу, но в науке иначе нельзя.

– Ну, ващще! – Петуля сплюнул и повернулся к Кате: – Видала?

– Нет, Миш, правда, – посочувствовала Геракл, – вы тут как при царе живёте. И дети так странно одеты, и света нет… Слушай, а как же зимой? Как вы в школе учитесь? Темно ведь, наверное…

– Нету здесь школы, – вздохнул Михайло. – А и была бы… Кто меня туда возьмёт? Буквы я, конечно, знаю. Дьячок научил. Аз, буки, веди, глаголь, добро, есть…

Очки у Спинозы сами собой поползли на лоб.

– Как? – прошептал он. – Эт-то какой век?

– От сотворения мира, почитай, год 7216-ый.

– Господи! – испугалась Геракл.

– Ёлки зеленые! – Петуля схватился за голову. – Я думал, в будущем всё будет. С Марсом торговля там, с Большой Медведицей… А тут такая нищета!

– Семнадцатый век? Восемнадцатый? – от волнения Спиноза никак не мог подсчитать. – Шестнадцатый?… Вы, простите, не Ломоносов случайно?

– Не, – улыбнулся Михайло. – Носоломовы мы. Нас тут все знают.

Витя вскочил с допотопного излучателя и взволнованно забегал по риге.

– Вы гений, Михаил! – наконец воскликнул он. – При такой отсталости, практически не зная букв, добились грандиозных научных результатов! Вам надо в Академию нанотехнологий. Вам нужно к нам, в XXI век! Вы должны получить образование. Вы второй Энштейн! Лобачевский! Попов! Софья Ковалевская!

Он в изнеможении опустился на лавку и тут же снова вскочил.

– Вы не представляете, какие перспективы откроет перед вами современная нам наука!

Под восторженные крики научного руководителя Петуля с Гераклом задремали на снопах в углу. Потрясение было слишком велико, чтоб ещё и не спать.

Глава 6. Затерянная в Лукоморье

Закукарекал не поддающийся гипнозу петух, и Петуля проснулся. Геракл делала зарядку, а изобретатели, наверное, не спали всю ночь. Они перетащил из овчарни диван и теперь привязывали его к скамье.

– Не действует, – пожаловался Спиноза. – Вероятно, во время посыла вышел из строя узел подъёма.

Сквозь обшивку торчал кусок пружины.

– Ничего, починим, – успокоил его Михайла. – Мой тоже барахлит. Ночью подуло, а они, – парень кивнул на чурки в горшке, – не запрыгали.

– А когда обратно? – потянулся Петуля. – Время – деньги!

– И мама, наверное, волнуется, – Катя стояла на голове, одновременно совершая дыхательные упражнения. – Ой, Боня, дай позвонить, мой мобильник дома остался.

Но Петулин айфон не подавал признаков жизни, какие бы пассы ни совершали над ним ребята.

– Наверное, здесь нет мобильной связи, – выдвинул гипотезу Спиноза. – Ну ничего, друзья. Думаю, сегодня же мы вернёмся. Ассистент Петуля, подержи, пожалуйста, станину.

Закончив гимнастику, Катя покрутилась вокруг мальчишек, занятых починкой скамейко-дивана, и вышла на утреннюю пробежку. В хорошем темпе она пронеслась по деревне и углубилась в лес. Верхушки сосен покачивались высо-

ко над головой, и вкусно пахло смолой. Было так светло, что можно было различить каждую хвоинку.

Геракл перешла на спортивную ходьбу.

– Ой, мамочки! – прямо на земле сидела белка и нисколько Катю не боялась. Зверёк подпустил девочку близко-близко. Но подгладить пушистика не удалось: белка выскользнула из-под руки и взлетела на верхушку ближайшей сосны.

Катя даже огорчиться не успела: на том месте, где только что сидела белка, рос крепкий толстый боровик. А рядом еще один. Другой, третий… Пришлось снять куртку и складывать грибы в неё. Кроме боровиков, попадались маслята, лисички и рыжики.

– Сыроежки оставляй, – внезапно проснулся внутренний голос. – Ну их!

Пошли подберёзовики. Среди опавших листьев заалели шляпки подосиновиков. За каких-нибудь полчаса куртка наполнилась.

– Хватит уже, – устало буркнул внутренний голос. – Куда столько?

– И правда, хватит, – Катя уже предвкушала, как покажет ребятам свою добычу. Она огляделась вокруг и растерялась. Вместо сосен росли осины, между ними темнели кусты, и не было никакой тропинки.

– Ау, – жалобно сказала Геракл.

Сверху к её ногам плавно упал красный осиновый листок.

– Ау! Ау-у! – девочка прислушалась. Тишина. Даже соба-

ки не лаяли. И внутренний голос молчал.

Кате стало не по себе. Но она подумала немного и решила не паниковать. Заблудиться тут? Это просто смешно. Деревня совсем близко. Где-то справа.

Она сделала несколько шагов вправо. Но тут же сообразила, что, если она повернётся, то право будет в другой стороне. А если еще раз повернётся, то в третьей.

Девочка села на заросший мхом камень и сосредоточилась. Географичка говорила, что направление ищут по компасу, а когда его нет, ориентируются по Полярной звезде или мху.

– Сейчас утро, – снова заговорил внутренний голос. – А звёзды, между прочим, бывают только ночью.

– Без тебя знаю, – отмахнулась Катя. – Зато мха много. Я в учебнике читала, что он всегда растёт на северной стороне дерева.

Внутренний голос обиженно замолчал. А Геракл решила двинуться на юг. Ведь в Выселках все ходили босиком, значит, там тёплый климат.

Взвалив на плечо узел с грибами, девочка начала продираться сквозь кусты, стараясь, чтобы мох не отклонял её на север. Так она шла и шла, пока не вышла на утоптанную тропинку.

– Ну, слава богу! – вздохнул внутренний голос.

Через полсотни метров Катя увидела на толстой берёзе табличку с полустёртыми буквами «ЛУКОМОРЬЕ».

– Это я, что ли, к другой деревне вышла?

– Ты у кого спрашиваешь, у меня? – почему-то возмутился внутренний голос. – Я, что ли, тебя вёл? Не знаю, куда ты там вышла. Если кого встретишь, спроси, как вернуться в Выселки.

Но навстречу никто не попадался. Только на деревьях пестрели таблички: «Дуб зелёный», «Чудеса», «Леший», «Русалка», «Королевич»… Около «Королевича» стояла беседка. От неё в разные стороны вели посыпанные песком дорожки.

– Это же деревенский парк! – подсказал внутренний голос. – Значит, здесь должен быть сторож. Или директор. Соображай.

Геракл выбрала самую широкую дорожку и отправилась искать сторожа или директора. Дорожка привела на площадь с двумя очень красивыми фонтанами. В одном струя била из клюва большого каменного орла, в другом – из разинутой пасти гипсовой щуки.

Катя опустила на песок куртку с грибами, зачерпнула воды из фонтана с рыбкой и тщательно вымыла руки.

– Странно, – пробормотал внутренний голос. – Только что на ладони были царапины. Куда они делись?

– Понятия не имею, – девочка подняла с земли куртку и обнаружила под ней жестяную фляжку с надписью: «Для забора мёртвой воды».

– Вот почему исчезли царапины, – объяснила она голосу. –

Это ж из Мёртвого моря вода. Целебная. Надо забрать для маминого нового крема.

Катя завинтила крышку и сунула фляжку в карман.

– В птице, наверное, тоже что-нибудь ценное содержится, – подсказал внутренний голос.

Геракл для интереса попила воды из орлиного клюва и тут же ощутила небывалый прилив сил. Бицепсы напряглись, футболка затрещала по швам. Одновременно страшно захотелось есть.

– Жаль, грибы негде пожарить, – посетовала Катя и наполнила фляжку с надписью «Для забора живой воды».

Подавляя муки голода, девочка отправилась дальше. По-прежнему не встречая ни сторожей, ни директора, она равнодушно скользила взглядом по новым и новым указателям: «Грозный царь», «Царевна тужит», «Колдун», «Тридцать три богатыря»…

– Про стольких пишут, а хоть бы один появился, – возмутился внутренний голос.

Дорожка круто свернула налево, и Геракл увидела кованую ограду с табличкой на калитке – «Аллея Каменных Баб».

– Наверное, скоро выйду к директору, – решила Катя. – Около его кабинета всегда очень красиво.

Вдоль аллеи с двух сторон стояли мраморные статуи. Некоторые женщины были старинными – с отбитыми носами и руками. Например, пионерка с горном и девушка с веслом.

А другие казались совсем новенькими: пастушка с козочкой, царица в короне и пышном платье, красавица в кокошнике. Ещё там были какие-то обломки.

– Не понимаю, – недовольно буркнул внутренний голос, – зачем в деревенском парке, где отдыхают люди, ставить какую-то женщину без рук, без ног, в одном только халате?

Катя прошла всю аллею до конца. За ней начинался глухой лес.

– Всё, что ли? – растерялась девочка. – А директор?

– Он в министерстве или ещё где-нибудь, – резонно предположил внутренний голос. – А может, сюда он только приходит, проверяет и уходит? Лучше всё-таки дождаться. А то мало ли куда ещё ты забредешь.

Геракл села на пьедестал, где стояла одинокая женская нога от ступни до чуть выше колена, и приготовилась ждать.

Глава 7. Бронзовый гость

Ждать было скучно, долго и голодно.

– Как здесь всё глупо устроено, – размышляла вслух Катя. – Вот у моей бабушки в селе парк называется «Могила неизвестного солдата». Там, во-первых, есть могила. Во-вторых, есть статуя солдата. И в третьих, он действительно неизвестный. А здесь что? Парк называется «Лукоморье». Это то же самое, что «Имени Пушкина А. С.», ведь он написал это моё любимое произведение. И что? И ничего. Во-первых, нет могилы Пушкина. Во-вторых, вместо его статуи – какие-то памятники неизвестным женщинам, наполовину поломанные к тому же. В-третьих, зачем эти таблички на деревьях, если нет ни королевича, на царевны-тужит, ни следов невиданных зверей?

– Что хотят – то и делают, – поддержал внутренний голос.

Солнце скрылось за тучами. Похолодало. Подул резкий ветер. Наверное, северный. Девочка аккуратно высыпала грибы к подножию памятника ноге, отряхнула и надела куртку. Подняла голову, чтобы посмотреть, не будет ли дождя. По небу с гулом летело что-то большое и тёмное.

– Самолёт? – предположил внутренний голос.

Ответить Геракл не успела. Большое и тёмное со свистом пошло на снижение и тяжело грохнулось в конце аллеи.

Когда рассеялись клубы пыли, Катя увидела Пушкина А.

С., как две капли воды похожего на свою фотографию. Девочка потёрла глаза и ущипнула себя за правый бицепс. Было больно, но памятник не исчезал.

Она подбежала к Пушкину А. С. и оглядела его со всех сторон. Кучерявый, с бакенбардами, голова опущена, левая нога выставлена вперед, накидка расстегнута, одна рука за пазухой, а другая сбоку и немножко сзади. В ней шляпа. На подставке написано: «И долго буду тем любезен я народу…» и так далее.

– Это он, – подтвердил голос. – Даже годы жизни совпадают. И смерти тоже.

– Может, его сбросили с самолёта? – Катя явственно ощутила, как ей не хватает Спинозы. Он бы всё объяснил по науке.

– Психи какие-то! – разозлился внутренний голос. – То не было, не было, то вдруг поставили!

Геракл огляделась по сторонам:

– А директор где?

– Сие мне неведомо, – пожал бронзовыми плечами памятник.

У Кати подкосились ноги, и она села на песок.

– А… а… па…

– Как, впрочем, и то, почему меня сослали сюда со Страстной, – продолжал поэт. – Век там простоял, и что же?

– В-вы, Ал-лександр С-сергеевич, ум-меете разговаривать? – наконец выдавила из себя девочка.

– Вздор! Как я могу разговаривать?! – возмущённо отозвался Пушкин. – Я – памятник себе. Работы скульптора Опекушина. Бронза, литьё… Погоди, погоди, кто это сказал?

Бронзовые веки дрогнули.

– Не в моих силах изъясняться вслух, – тёмные глаза посмотрели направо, потом – налево. – Я могу лишь мыслить и страдать. Это – не я.

– Это вы, Александр Сергеевич, – Геракл преданно задрала голову. – Тут и на подставке написано.

– Неужто? – не поверил памятник.

– Да, – подтвердила Катя. – Тут сказано, что это вы, когда вы жили и когда умерли, а ещё – про любезен народу.

– А о переносе ничего нет? – свесились над Катиной головой бронзовые бакенбарды.

– Нет, – девочка обошла вокруг пьедестала. – Я видела только, как вы упали. Я сама заблудилась… Ещё ветер был… Ой! – Геракл почувствовала, как у неё внутри что-то от чего-то отлегло. – Это же сверхкороткие волны, Александр Сергеевич! Значит, Спиноза и Миша починили аппарат.

– Какой аппарат? Какие волны? Который Спиноза? Ничего не понимаю!

– Я вам сейчас всё объясню, – торопливо сказала Катя. – Мы вчера точно так же прилетели на телоразложителе. Только вы упали сюда, а мы в сарай. Там Миша живёт, в Выселках. Мы сперва думали, это просто деревня, как у бабуш-

ки. А это, сказал Спиноза, шестнадцатый век, представляете? Перенос во времени. А тут, – девочка показала на гипсовую пионерку с горном, – парк имени вас. Он так и называется: «Лукоморье».

– Весьма невнятно, – вздохнул Пушкин. – В шестнадцатом веке я ещё не писал. И как теперь прикажете всё это понимать?

– Не знаю, – честно сказала Катя. – Надо в Выселки вернуться. Только я дорогу потеряла. Вам оттуда, сверху, не видно?

Пушкин вынул руку из-за пазухи и приложил козырьком ко лбу.

– В седом тумане дальний лес, – сообщил он.

– В каком тумане? – удивилась Геракл.

Поэт не ответил. Он с удивлением рассматривал свою бронзовую ладонь.

– Чья это рука? Моя?

– Ваша, – подтвердила девочка. – А вторая сзади. Со шляпой.

Пушкин в недоумении оглядел шляпу и надел её.

– «Статуя оживает»… Это обо мне?

– Ага… Вы даже дышите. Я видела, как вы вздыхали. Вот так: ах!

Вся бронзовая фигура вдруг пришла в движение. Великий русский поэт помахал руками, потопал по пьедесталу ногами, присел, встал, попробовал снять крылатку, но у него ни-

чего не получилось. Тогда он взял и спрыгнул с постамента. В песке остались две глубокие вмятины.

– Сколько же во мне весу? – удивился Пушкин. – А рост ничего, хороший… – Он посмотрел на Катю. – Я тебя, должно быть, напугал?

– Да нет, – успокоила поэта Геракл. – Я только сверхъестественного боюсь. А вы – мой любимый писатель. Я про вас всё-всё знаю. Вы писали стихи про чудное мгновенье. Родители ваши все время эксплуатировали простой народ и заставляли его вас воспитывать. Поэтому вы, Александр Сергеевич, знали столько сказок. Ещё у вас была жена. С плечами. Они так красиво из платья вылезали. Я только не помню, когда вы женились – до лицея или после. Что там ещё?.. Ах, да! Вас убил царь. Он был француз, позвал вас на охоту и убил. Потом пристрелил ещё медведя, снял с него шкуру, чтоб вас завернуть и закопать. Но родственники, конечно, узнали и на могилку вашу поставили хороший памятник, – показала она на постамент.

Пушкин закрыл лицо руками. Только курчавые бакенбарды мелко тряслись.

Катя сочувственно вздохнула:

– Не расстраивайтесь, Александр Сергеевич, царь тоже умер. Про него уже никто не помнит, а вас в школе проходят. По литературе.

Поэт утёр глаза шляпой.

– Да, – сказал он. – Слава – это тяжкое бремя. Выходит,

ты в школе приобрела сии бесценные сведения? А как тебя зовут?

– Катя Волосюк, – девочка протянула Пушкину руку. – Очень приятно познакомиться.

– И я весьма польщён, – Александр Сергеевич осторожно пожал её запястье двумя пальцами.

Гераклу стало гордо. Она единственная из всего класса встретилась с Пушкиным, и даже, пожалуй, из всего лицея и всего города.

– А вы со мной пойдете в Выселки? Там у Миши Спиноза и Петуля. Это мои друзья. Они вас тоже знают.

– Пожалуй, – согласился поэт. – Не пренебрегать же такими поклонниками. К тому же надо как-то в Москву воротиться… А далеко твои Выселки? Куда нас нынче занесло?

– На Аллею Каменных Баб, – тоном экскурсовода сообщила Катя. – Только… я их не знаю.

– Смотри-ка! – Пушкин прошёлся вдоль женщин и выяснилось, что со многими он познакомился раньше, чем с Гераклом. – Артемида, Ника, Екатерина, Венера Милосская…

– Не понимаю, – поделилась с ним девочка своими наблюдениями, – зачем здесь понаставили всякие обломки? Вот, например, этот, – она хлопнула по мраморной ноге. – Хоть бы имя написали, отчество, фамилию… Чья, например, эта часть и где остальная женщина?

– Какой подъём! – восхитился Пушкин. – Какое колено! По-моему, это Истомина.

– Вот так бы и написали, – предложила Катя. – А то очень неудобно: женщины в одном месте, а таблички – в другом. Вы ещё не знаете, Александр Сергеевич, что сделали с вашим «Лукоморьем». Вот вы, например, про эту вашу знакомую Истомину в произведении не писали, а её ногу здесь почему-то поставили. А про кого вы писали, например, про кота, того не поставили. Я вам сейчас покажу. Сами убедитесь.

Она потянула Пушкина за ограду и повела по парку. Александр Сергеевич почему-то не расстраивался, читая таблички, а наоборот, смеялся.

– Что тут смешного? – рассердилась Геракл. – Это же наизусть учат! Ой, вот, Александр Сергеевич, фонтан, – и Катя красиво, как учительница, протянула руку к орлу. – Здесь вода из Мёртвого моря, не знаете такого? От неё все царапины заживают! У вас, кстати, случайно нет никакой раны?

Поэт бросил взгляд на свой бронзовый живот и невесело усмехнулся.

– А тут, – девочка еще красивее простёрла другую руку, – в рыбе, другой фонтан. С живой водой. Очень бодрит. Попробуйте. Я даже домой набрала.

И она игриво побрызгала памятник лечебными водами.

– Очень мило, – Александр Сергеевич стряхнул капли с бронзовой пелерины.

– А здесь «Королевич»… Где «Королевич»? – обомлела Катя. – Только что был!

Беседки с этой табличкой на месте не оказалось. Посы-

панные песком дорожки упирались в каменное сооружение с надписью «ГРОТЪ». Чуть ниже на листке бумаги было нацарапано от руки: «ВЫХОД».

– Ничего не понимаю! – сдвинула брови Геракл. – Когда успели поменять? И где тут вход?

– С другой стороны, – подсказал внутренний голос.

– Это ж надо… Александр Сергеевич, вход, оказывается, в Выселках, – обрадовалась Катя. – Полеземте в дырку. Только согнитесь, чтоб шляпой не треснуться.

Девочка и поэт вошли в грот и растворились в темноте.

Глава 8. Хлеба запоздалые

– Подул! Подул! – заорал снаружи Петуля, которого поставили наблюдать за ветряком. – Крутится!

Чурки в горшке запрыгали. Спинозин телоразложитель затарахтел. Задергалась станина. Михайлова скамья затряслась.

– Работает! Работает! – обрадовались учёные. – Починили!

Верёвки, которые вели наружу, сильно натянулись и зазвенели. И вдруг лопнули все одновременно. Пружины под обшивкой жалобно застонали. Поднятая половинка дивана рухнула вниз. Горшок покатился по полу.

– Что такое? Только что излучал… – Михайла выглянул во двор. Ветер дул, ветряк крутился. По небу с невероятной быстротой неслись тучи. Блеснула молния.

– Электричество, – догадался Носоломов.

– Короткое замыкание, – пояснил Спиноза, огорчённо глядя на разорванные верёвки. – Придётся заменить проводку.

Михайла покачал головой:

– Да где её взять, пеньку-то? В Нижнюю Мгу нужно ехать, а это все тридцать верст.

– Мы доберёмся, – пообещал Спиноза. – Ты только скажи, в какую сторону и на чём.

– На чём? – Михайла безуспешно пытался связать проводники. – Не на чем. Батька на промысел уехал, другой лошади нет.

Витя почувствовал себя неловко.

– В принципе, – деликатно сказал он, – мы можем добраться на попутных э-э-э… перекладных. Или нанять на почте… э-э-э…тройку.

Петуля заржал:

– Так тебе почтальон и дал!

– Да кто ныне ездит? – Михайла тоже усмехнулся. – Страда. А до ямской станции вёрст шестьдесят.

– У вас что – одна лошадь в деревне? – подначил Бонифаций. – У соседей занять нельзя?

Михайла задумался.

– Сходить, что ль, к Емеле-то? Может, и даст… Или к Демьяну?.. Ладно, поищу, – решил он, – а вы тут отдохните, погуляйте. Не то в избу пойдите, щец похлебайте.

В сенях лежал телёнок. Он потянулся к Спинозе бархатным носом и почмокал губами. Витя вежливо улыбнулся животному и обошёл его стороной. Посреди избы стояла большая белая печь. При виде многочисленных горшков и плошек Петуля оживился:

– Хоть пожрать по-человечески!

– Да, пора возобновить ресурсы, – с энтузиазмом отозвался Спиноза.

Бонифаций загремел крышками. Но лишь в одном из

горшков обнаружил густой суп.

– Это щи, – научный руководитель сунул в горшок палец и облизал его. – Типичное северное блюдо. Постные.

Петуля тоже попробовал ложку.

– Холодные. А где у них хлеб?

– Его пекут, – уверенно сказал Спиноза. – Перед обедом.

В большой кадке мальчики обнаружили тесто.

– Может, так сойдёт? – обнадежился бизнесмен.

– Ты что! Сырое тесто есть опасно! – заволновался Витя. – Заболеешь заворотом кишок! Нет, лучше выпечем хлеба, – Спиноза поправил очки. – Ты разведи огонь в очаге, а я сформую батоны.

Пока Петуля искал во дворе дрова, Спиноза потрудился на славу. Ему нравился простой крестьянский быт, и он с удовольствием занимался стряпнёй. Правда, тесто почему-то липло к рукам и не желало формоваться. Батоны получились не очень ровные, зато на каждом из них ребром ладони научный руководитель сделал насечки, как в магазине.

Наконец Бонифаций притащил охапку толстых поленьев:

– Куда их суют? Здесь столько дырок…

– В духовку, – подсказал Спиноза. – А сверху хлеб. На лопате. Ты, кстати, нигде её не видел?

– Валялась там одна, во дворе, – Петуля обошёл печь в поисках духовки и решил засунуть дрова в самую большую дыру.

Витя сбегал за лопатой. Она оказалась не очень чистой и

пахла навозом.

– Бедный русский народ, – сокрушённо покачал головой учёный. – Век просвещения еще не наступил.

Он тщательно промыл лопату в колоде, из которой пили свиньи, вытер её полой белого халата и вернулся в избу.

– Чёрт! – ругался бизнесмен, бросая на дрова спичку за спичкой. – Хоть бы газета какая была. Так весь коробок уйдёт.

– Подуть надо, – подсказал Спиноза.

Они начали усиленно дуть в дырку. Огонь не разгорался. Витя порылся в карманах, вытащил оттуда блокнот, вырвал несколько чистых страничек и затолкал их между поленьями. В коробке оставалась последняя спичка. Но, к счастью, бумага загорелась, потом занялся завиток коры, и духовка заработала.

– По-моему, пора класть хлеба, – Спиноза плюхнул на лопату два липких батона и сунул их в духовку.

– Теперь закрывай, – подсказал ассистент. – А то тесто не поднимется.

– Но как? Там же лопата. Ручка мешает…

Бонифаций задумался.

– Ладно, не закрывай, – разрешил он. – Так сойдёт. Давай уж заодно и борщ подогреем.

– Разве суп ставят в духовку? – засомневался Витя. – Я что-то такого не припомню… Давай зажжём вторую конфорку.

– Какую? – Петуля поскрёб затылок. – Давай лучше сверху поставим.

По настоянию Спинозы он попытался использовать ухват. Но щи не ухватывались. Бизнесмен плюнул, встал на припечек и руками поднял горшок на лежанку.

– Интересно, сколько времени по технологии должны выпекаться хлеба? – задумался научный руководитель.

– Ну… минут десять-пятнадцать. Может, полчаса…

Они принялись ждать.

– Как неприятно пахнет! – поморщился Витя. – Может, тесто несвежее? Или дрова сырые?

Комната быстро наполнялась дымом.

– Как бы пожара не было, – забеспокоился Спиноза. – Давай лучше вытащим хлеба и потушим огонь в очаге.

Он потянул на себя лопату. На ней лежала бесформенная масса сырого и обгорелого теста.

– По-моему, хлеба получились на славу, – бодро сказал учёный. – Немножко некрасивые, но ведь главное – вкусовые качества.

Петуля закашлялся.

– Ну и дымища! Где-то я тут ведро с водой видел.

Он вышел в сени, выхватил из-под носа у телёнка ведро с пойлом, вернулся к печке и плеснул в духовку. Дрова зачадили.

Спиноза снял и протер очки:

– Ой, как глаза щиплет… А почему дым не выходит в тру-

бу? – вдруг спохватился он. – Наверное, дымоход засорился. Неудобно перед Михаилом! Надо прочистить.

Они выскочили из избы, где уже нечем было дышать. По приставной лестнице Петуля взобрался на крышу и заглянул в трубу:

– Ни фига не видно! – крикнул он научному руководителю. – Точно, забилось! Слышь, найди длинную палку и давай сюда!

Витя с большим трудом вытащил из забора жердь. И с величайшими предосторожностями поднялся с ней наверх к Бонифацию.

– Надо ветошью обмотать, – вспомнил бизнесмен. – Пойду поищу какую-нибудь тряпку.

В горнице Петуля нашёл сундук и начал рыться в вещах. В печи что-то ухнуло, заверещало и забилось.

– Счас взорвётся! – испугался Бонифаций и ринулся к двери.

За его спиной что-то стукнуло.

Бонифаций дико оглянулся. На полу в куче золы лежал совершенно чёрный Спиноза.

– Ёлки зелёные, – облегченно вздохнул Петуля. – Ты как сюда попал?

Научный руководитель слабо застонал и открыл глаза за закопчёнными стеклышками очков.

– Кажется, я его прочистил, – удовлетворённо сказал он, – без всякой ветоши.

Из бессвязных объяснений Спинозы Петуля понял, как обстояло дело. Потыкав жердью в трубу, Витя засунул в дымоход руку. Затем – обе. Потом нечаянно соскользнул весь. И труба автоматически прочистилась.

– Надо сматываться, – сделал вывод Бонифаций, с ужасом оглядывая комнату.

– Да, неловко получилось, – согласился Спиноза. – Надо навести порядок, а потом уже ехать в Нижнюю Мгу.

– Нет, тут и за сутки не убрать, – оценил ущерб бизнесмен. – Давай лучше Катьку пойдем искать. Вернёмся все вместе, вроде как гуляли. И так спокойненько: «Что тут у тебя, Миша, за беспорядок?». Как бы мы тут вовсе не при чём.

– Ну что ты… – Витя протёр очки носовым платком. – Михаил обидится.

– Обидится, если узнает, что это мы, – резонно возразил Петуля. – А если это не мы – на кого ж обижаться?

Спиноза всё ещё сомневался.

– Пожалуй, в одном ты прав, – попытался он успокоить свою совесть. – Надо поискать Катю, а то она что-то задерживается. Потом мы вернёмся и во всём честно признаемся Михаилу. Думаю, он нас поймёт и простит.

Глава 9. Василий Тёркин

Во всей деревне не было ни души.

– Народ в поле, – со знанием дела заметил Спиноза. – Как говорится, что посеешь, то и пожнёшь.

Петуля огляделся по сторонам:

– А куда Геракл подевалась?

Витя внимательно оглядел деревенскую улицу с серыми домишками, потом показал за околицу:

– Я уверен, что Катя там, – и первым двинулся в сторону леса.

– Вот видишь, – сказал он Петуле, шагая по едва заметной тропинке, – я не ошибся. Сосновый бор – это как раз то, что нужно для тренировок. Чувствуешь, какой здесь запах? – Спиноза набрал полную грудь воздуха и сложил руки рупором:

– Катя! Ка-тя-я! Ау!

– Катька! – ещё громче заорал Петуля. – Геракл! Ты где?!

Мальчишки ходили между деревьями, продирались сквозь кусты, блуждали по тропинкам, но Кати нигде не было.

– Она заблудилась! – волновался Спиноза.

– Да ну, – отмахивался Бонифаций. – Что с ней может случиться?

– Ау! Ау! Ау-у! – надрывался Витя осипшим голосом.

– Чего орёте? – вдруг отозвался кто-то из-за зарослей малины. – Чай, заплутали?

И над кустами показалась синяя бескозырка с красным околышем.

– Ага! – обрадовался Петуля, пробираясь между колючими ветками. – Мы тут Катьку ищем. Не видали?

– Никто вроде не проходил, – усатый дядька сел возле костра и помешал деревянной ложкой в котелке. – А что за Катька? Сестрёнка? Маленькая?

– Не, – махнул рукой Бонифаций, – здоровая. Как вот я и он, – и показал на вылезшего из малинника Спинозу.

– Ну, – незнакомец подбросил в костер хворостину, – тогда не потеряется.

– Мы тоже на это надеемся, – Витя поправил очки. – Но видите ли, отдалённая местность…

– Нездешние, что ль? – дядька поднял голову и ахнул. – Арап! Как есть арап!

Петуля сглотнул слюнки. Из котелка пахло чем-то вкусным. Человек в бескозырке мотнул головой в сторону костра:

– Да вы садитесь. Угощаю, – и он протянул Петуле ложку.

Бонифаций зачерпнул каши, мигом проглотил её и передал ложку Спинозе.

– А ему можно? – забеспокоился незнакомец. – Он, чай, к нашей еде непривыкший. Заболеет ещё…

– Ну что вы! – Витя, обжигаясь, проглотил варево и вер-

нул ложку владельцу. – Я вообще-то каши всякие люблю. А к деликатесам равнодушен.

– Глянь-ка, по-нашему балакает, – удивился усач, разламывая краюху хлеба на три равные части. Одну он оставил себе, а две передал Бонифацию: – На, покорми его. Пусть не думает, что русским хлеба-соли жалко.

– Хлебосольство русского народа известно во всем мире, – поддакнул Спиноза. – Это историческая традиция и научный факт. Начиная с архаических времен, толерантность и пацифизм славян нашли свое символическое воплощение в образе хлеба-соли.

– Растолкуй, чего он хочет-то, – дядька повернулся к Петуле.

– Говорит, что вкусно, – перевёл Бонифаций с набитым ртом.

Ложка переходила из рук в руки. Когда котелок опустел, незнакомец тщательно облизал её, вытер о штанину и сунул за голенище сапога. Потом устроился поудобнее и попросил Петулю:

– Эй, малец, пусть арап расскажет, как у них там живут.

– А чё? – пожал плечами Бонифаций. – Живут как живут. Обыкновенно.

– Ты что? – Спиноза укоризненно посмотрел на Петулю и поправил сначала очки, потом шлем. – Человек вообще никогда не был в нашем времени, ему же интересно. Как учёные и как представители цивилизации мы просто обязаны

удовлетворить его любопытство. – Он повернулся к незнакомцу и вежливо поинтересовался: – Вы кто, простите, по специальности? Э-э-э… по роду занятий?

– Солдаты мы, – подкрутил усы дядька. – Из пскопских. Тёркины наша фамилия. Василием кличут.

– Очень рады познакомиться. Это мой друг и ассистент Бонифаций, бизнесмен.

– Ага, – шмыгнул носом Петуля.

– А моя фамилия Корнецов, – продолжал Спиноза. – Виктор. Я, – он скромно потупился, – учёный.

– Да, – уважительно протянул Тёркин, – ты, арап, как я погляжу, шибко учёный.

– Точно! – подтвердил Бонифаций. – Его что ни спросишь – всё знает! Ботаник! Потому его Спинозой и прозвали.

– Мои друзья иногда называют меня именем нидерландского ученого эпохи Ренессанса Боруха Спинозы, – объяснил Витя, чтобы Тёркину было понятнее.

– Много чудного на свете, – философски заметил солдат. – А я в ваших местах никогда не бывал, хоть и поскитался по свету за двадцать пять-то лет службы. А у вас в Африке сколько служат?

– Мне откуда знать? – удивился Бонифаций. – Мы вон где, а Африка – во-он где.

– Вы неправильно поставили вопрос, – мягко поправил солдата Витя. – На Африканском континенте несколько десятков стран. И в каждой из них разные условия и сроки во-

енной службы. Всё зависит от рода войск, от численности армии, от контингента – много от чего. К сожалению, в данный момент я больше ничего не могу сообщить по интересующей вас проблеме.

– Ага, – с пониманием кивнул Тёркин, поднимаясь и беря котелок. – Ну, пойду, что ль, помою…

– Что вы! – засуетился Спиноза. – Мы сами вымоем. Только где?

– Да вон ручей журчит. Чуешь?

По дну небольшого овражка струилась вода. Спустившись по склону, Витя опустил котелок в ручей, тут же вытащил его и заглянул внутрь:

– По-моему, он уже чистый.

– Давай сюда, – Бонифаций выдернул котелок из слабых рук учёного и стал тереть его песочком.

Спиноза тоже набрал мокрого песка и просеял его между ладонями. Руки заметно побелели.

– И рожу заодно умой, – посоветовал бизнесмен. – А то как из печки выпал, не умылся ни разу.

– Действительно, – вспомнил Спиноза о личной гигиене. Он даже, как мог, постарался отстирать халат.

Тёркин подрёмывал возле потухшего костра.

– Чтой-то вы долго, – заметил он.

– Абразивное действие песка… – завёлся было Спиноза.

Солдат открыл глаза и замахал на него руками:

– Свят, свят, свят! Побледнел-то как! Я говорил, занемо-

жешь от нашей пищи!

– Нормальная пища, – успокоил его научный руководитель. – Очень даже вкусная. Это у меня организм такой анемичный. Никогда не бывает румянца. С детства.

Он развесил мокрый халат на ветках, снял очки и протёр их носовым платком. Присел рядом с Тёркиным, снял оранжевый шлем и положил его на траву.

– Так ты не африкан? – разочаровался солдат. – Что ж ты мне голову морочил?

– Да не морочил он ничего, – вступился за друга Петуля. – Ему просто умыться негде было.

– Извините, – потупился Спиноза, – я не хотел вас обманывать.

– Бывает, – махнул рукой Тёркин. – И ты прости, что за арапа тебя принял. – Он вдруг расхохотался. – Это ж надо – живого человека за арапа! И шапка, думаю, у него чудная!

Ребята тоже рассмеялись.

– Пошли, Витька, – дёрнул Спинозу Петуля. – Небось, Катька давно вернулась.

– Благодарим вас, – вежливо поклонился научный руководитель, – за хлеб-соль и кашу. – Он снял с ветки мокрый халат и натянул его поверх защитного клеёнчатого жилета. Потом нахлобучил шлем.

– И вам спасибо, – отозвался Тёркин, растягиваясь на траве, – за компанию. Ну, бывайте.

Чтобы снова не лезть в колючий кустарник, мальчишки

взяли вправо.

– Эй, арапы! – окликнул их солдат. – В ту сторону не ходите!

– А чё? – насторожился Петуля.

– Осинник там. Гиблое место. Клятое.

– В каком, простите, смысле? – не понял Витя.

– Нехорошо там, – солдат надвинул бескозырку на глаза. – Мерещится нечисть всякая. И люди пропадали… А ночью – огни мерцают.

– Аномальная зона? – Спинозины очки загорелись фанатичным исследовательским блеском. – Невероятное везение!

Глава 10. Девочка и слон

Незаметно для Бонифация Спиноза стремился отклониться вправо. Его тянуло туда как магнитом.

– Куда ты прёшься? – заметил, наконец, его манёвры Петуля.

Витя решил признаться:

– Ты не представляешь, Боня, какое открытие мы сейчас с тобой совершили! Благодаря господину Тёркину обнаружено местонахождение знаменитой Выселковской аномалии. Нам остается только воочию убедиться в её существовании.

– Тебе что, жить надоело? – испугался бизнесмен. – Я в эту… как её… не пойду!

– Да и я туда не пойду, – пообещал Спиноза. – Мы только посмотрим – и обратно. Тем более, что Катя уже вернулась, а Михаил, наверное, раздобыл лошадь.

Бонифаций поёжился. Именно сейчас ему очень не хотелось встречаться с Михайлой.

– К тому же нет никакого риска, – уговаривал ассистента научный руководитель. – Вооружимся прибором. – Он отломил от куста зелёный прутик и изогнул его в руках. – Вот простейшая биорамка. Она укажет безопасный путь.

Петуле пришлось согласиться, но на всякий случай он вежливо пропустил Спинозу вперёд. Мальчишки миновали осиновую рощу и вышли на открытое место.

– Смотри! – воскликнул Витя. – Тут ступала нога человека!

На песчаной дорожке отчётливо виднелись рифлёные следы кроссовок.

– Геракл! – определил Петуля. – Катька!

– Странно, – присев на корточки, научный руководитель разглядывал вмятины. – Следы ведут только в одну сторону.

– Ёлки зелёные! – испугался бизнесмен. – А вдруг она попала в эту… в зону…

Спиноза сверился с биорамкой. Она не двигалась.

– Нет, – заключил он. – Всё в норме. Без аномалий.

Они пошли по Катиным следам. Вероятно, решил Витя, здесь когда-то была помещичья усадьба, принадлежавшая хозяевам крепостных крестьян Носоломовых. Спиноза читал у русских классиков, что иногда помещики разорялись и переезжали в какой-нибудь город, чаще всего – в Москву или Петербург. А поместья приходили в запустение.

Всеми этими знаниями он щедро делился с Бонифацием, пока они проходили мимо покосившейся беседки, пересохших фонтанов и местами поломанной чугунной ограды. В доказательство своей правоты Спиноза даже привел краткое содержание пьесы А. П.Чехова «Вишневый сад».

– Ну да! – не поверил Петуля. – Где тут вишни? Только грибы одни и валяются, – он пнул ногой внушительную горку боровиков и подосиновиков. – Что за народ? Рвут и выбрасывают. О! Вот ещё следы, видишь? Это, наверно, Геракла…

От грибов Катины следы вели дальше, вглубь аллеи, вдоль которой стояли белые мраморные статуи. Взволнованный научный руководитель не мог оценить их художественные достоинства, зато бизнесмен сплюнул:

– Только тётки. И глянь, сколько добра на них перевели. Знаешь, почём сейчас мрамор для кладбища?

Отпечатки Катиных кроссовок упирались в большой чёрный постамент с надписью: «Александр Сергеевич Пушкин. 1799–1837».

– Хоть один мужик, – с облегчением сказал Петуля.

– Да, – отозвался Спиноза. – Наконец-то я понял, в каком времени мы находимся. Сейчас девятнадцатый век.

– Какая разница? – пожал плечами бизнесмен. – Смотри, вроде за Катькой кто-то гнался… типа слона.

– Откуда здесь слоны, Бонифаций? А впрочем… – Витя присмотрелся к глубоким вмятинам рядом со следами кроссовок: – Похоже, это крупное наземное животное.

Судя по следам, слон пронесся за Гераклом обратно по аллее, немного поблуждал по дорожкам и загнал бедную девочку в садовый грот, вход в который преграждал огромный белый камень.

Спиноза и Петуля, не раздумывая, бросились в погоню.

* * *

Наутро полковник в отставке Василий Иванович оторвал

вчерашний листок календаря и выбросил его в мусорное ведро.

– Сегодня 23 апреля, – сообщило радио. – Передаем последние известия.

Василий Иванович сварил себе яйцо всмятку, заварил чаёк и прислушался.

– … с официальным визитом, – закончила дикторша. – А теперь – криминальные новости. Кощунственное преступление совершено ночью в Москве. Неизвестные злоумышленники похитили с Пушкинской площади бесценное достояние нашего народа – бронзовый памятник Александру Сергеевичу Пушкину работы скульптора Опекушина. Ведётся следствие. На выездах из столицы усилен контроль грузового транспорта. По информации нашего источника из министерства внутренних дел, скульптура похищена бандой любителей искусства. Правоохранительные органы прилагают все усилия, чтобы вернуть Пушкина народу.

Яйцо выпало из рук Василия Ивановича и растеклось по линолеуму жёлто-белой лужицей.

– Дожили! – воскликнул пенсионер, подтирая пол. – Памятник нельзя поставить! Тут же сопрут! Я знаю, кто входит в эту банду!

Он выглянул в глазок и обнаружил, что на лестничной площадке никого нет. Тогда старик совершил вылазку за дверь, сорвал со стены вчерашнее объявление Бонифация Петули и снова перечитал его.

– Ага, – заключил он, укладывая листок в папку с надписью «Досье». – Все возможные услуги… Ясно, что это за услуги! Продажа памятников культуры за границу! В одном только Пушкине сколько всего!

Пенсионер позвонил капитану, который вел дело по ограблению квартиры сто восемьдесят семь, сообщил ему о пропаже памятника с Пушкинской площади и тонко намекнул, что он, Василий Иванович, усматривает связь между этими двумя преступлениями века. Затем активист допил, наконец, остывший чай, ополоснул стакан и спустился во двор, чтобы оповестить соседей о безобразных событиях, участившихся в последнее время.

Часть 2. Сага о князьях

Глава 1. Дети подземелья

– Это не садовый грот, – авторитетно заявил Спиноза, на ощупь пробираясь по узкому ходу между холодными, скользкими от сырости стенами. – По всей видимости, это естественное углубление в земной поверхности, вымытое грунтовыми водами…Ты слышишь меня, Бонифаций?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.